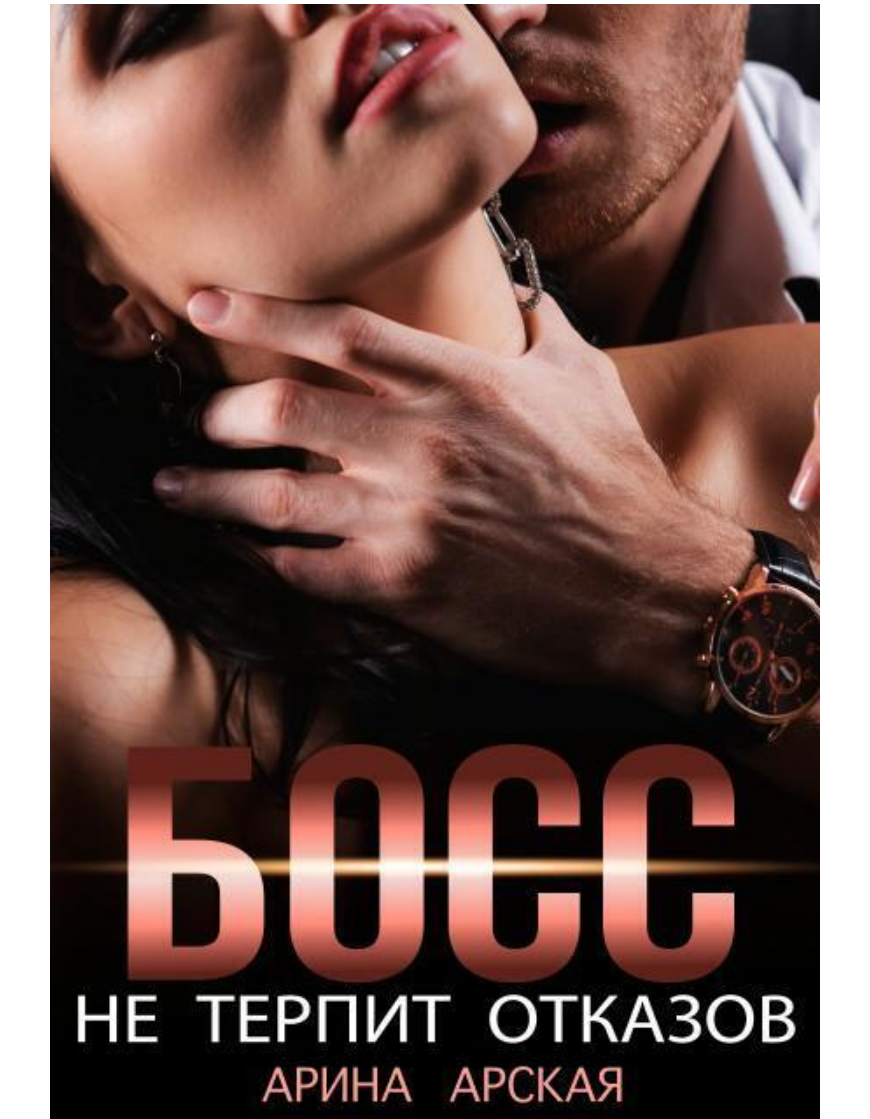

БОСС

НЕ ТЕРПИТ ОТКАЗОВ

АРИНА АРСКАЯ

Арина Арская

Босс не терпит отказов

<https://litres.ru/74294208>

Аннотация

Если бы я знала, что приватный танец закажет мой будущий босс, то, вероятно, бежала бы из клуба, сверкая пятками. Он был одним из пьяных клиентов, который пожелал насладиться откровенным зрелищем. И он пришел, как назло, в мою первую и последнюю рабочую ночь, когда я решила, что провокационные танцы и надоедливые гости — не мое, пусть и чаевые платят здесь отличные.

— Это была ты, — Виктор с легкой усмешкой окидывает меня взглядом. — Не понимаю о чем вы, — холодно и отстраненно отзываюсь я, а сама поджигаю пальцы в тесных туфлях. Поддается в мою сторону, щурится и с бархатной хрипотцой шепчет: — У тебя под правой ягодицей — родинка.

ХЭ

Содержание

Глава 1. Правильная девочка в неправильном месте	4
Глава 2. Спасена!	11
Глава 3. Ночной бунтарь	17
Глава 4. Ты боец, Кира!	22
Глава 5. Родинка	26
Глава 6. Везёт, как утопленнику	32
Глава 7. Слишком близко	37
Глава 8. Нехорошие намеки	42
Глава 9. Большой вопрос	47
Глава 10. Урок кофеварения	52
Глава 11. Первый успех	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1. Правильная девочка в неправильном месте

— Кир, — Ксюша выщипывает волосок под правой бровью и кривится, — легкие ведь деньги.

Я сердито поправляю между ягодиц трусики, которые белым назвать стыдно: крохотный треугольник на веревочках и он ничего не прикрывает.

— Это самый приличный клуб, — Ксюша косит на меня через отражение глаза, — охрана, гости не нищелброды и чаевыми хорошими балуют.

Молча убираю из волос бигуди. Зря я согласилась на ее предложение попробовать себя в стриптизе. Ксюша — моя подруга, с которой мы в старших классах ходили в одну школу танцев и вместе на соревнования катались. Весело было и увлекательно, а сейчас в туалете хочется удавиться.

Неделю назад случайно встретила ее в супермаркете и на вопрос “Как дела?” честно ответила, что работу не могу найти, а она присела на уши и поделилась, что хорошие деньги зарабатывает танцами. Приватными танцами для богатеньких буратин в одном из московских клубов на Златоустинском переулке.

Так долго расхваливала меня, восхищалась моей грацией и даже призналась, что всегда завидовала мне, потому что

я была среди остальных девочек самой изящной и плавной. Так и сказала — плавной. Убедила, что нет ничего постыдного в том, чтобы потрясти голыми телесами перед незнакомыми мужиками, потому что руки они не распускают, а платят щедро. За ночь, если повезет, можно уйти с хорошей суммой. В одну из смен Ксюша развела какого-то старика-иностранца на тысячу долларов и чуть до инфаркта его не довела своими провокациями.

Я мечтала связать жизнь с танцами, и даже сейчас каждый день занимаюсь растяжкой, разогревом и танцую, чтобы тело не окостенело и не потеряло гибкость. Однако я не думала, что мои грезы и отчаяние приведут в элитный стриптиз-клуб.

Да, я согласилась на предложение Ксюши, потому что я трусы себе новые не покупала уже год, и до сих пор живу с мамой, которая, пусть женщина добрая и милая, но нам сложно уживаться под одной крышей. Раздражение и претензии копятся и выливаются в скандалы по пустякам. И она каждый раз напоминает мне о том, что я провалила вступительные экзамены в университет.

— Улыбнись, — Ксюша разворачивается ко мне, — помнишь, как нас учили?

— У меня не получится, — шепчу я, вглядываясь в ее глаза. — Одно дело сальса, а другое...

— Я тоже в первый день боялась, — Ксюша обходит меня и заботливо затягивает веревочки лифа на спине, — но

тут все строго. Никто не пристаёт, только смотрит, как и на обычных танцах. Вместо множества глаз, лишь одна пара.

В гримерке тесно и пахнет тальком с цветочным освежителем воздуха. Круглые белые лампочки на зеркале, у которого несколько минут назад Ксюша выщипывала брови, мягко разгоняют полумрак. В отражении вижу не себя, а какую-то незнакомку в откровенном бикини с ярким боевым макияжем. Я хочу сбежать, но этого сделать не даёт алчность и чувство вины перед подругой, которая уговорила владельца клуба дать мне шанс.

— Подбородок вверх, улыбка и плечи расправить, — строго чеканит Ксюша, как наша бывшая преподавательница.

— Девочки, — в гримерку влетает взволнованная Марта и хватается салфетки из коробки на столе. — Кто-нибудь в пятую кабинку.

Она вытирает с внутренней стороны бедра кровавые дорожки и злобно шипит:

— Протекла! На пять дней раньше пришли! Проклятье!

— У меня тампоны есть, — Ксюша кидается к сумке. — Секунду.

— Пятая кабинка! — рявкает Марта, и меня за запястье беспардонно хватается менеджер Илья, который вваливается в гримерку с тихим бурчанием.

— В темпе, милая, в темпе.

— Без рук! — отмахиваюсь от нервного и взбудоражен-

ного Ильи. — Это к тебе тоже относится!

— Ля, какая цаца... — он презрительно окидывает меня взглядом.

Неприятный тип. Под его симпатичной и холеной мордашкой прячется что-то липкое, холодное и склизкое. Передегиваю плечом и дефилирую через темный коридор к двери, за которой меня встречают вспышки света и громкая музыка, что глухими ударами отдается в груди.

Я не смотрю по сторонам, чтобы не ловить на себе заинтересованные взгляды мужчин и плыву мимо барной стойки в темный проем. Представляю, что я на соревнованиях, перед которыми я тоже всегда переживала и волновалась. Обману мозг, который плавится от стыда.

Секунду стою перед бархатным пологом, над которым горит неоновая цифра “5”, и решительно ныряю под него, откинув все сомнения. Может, это мое призвание, как у Ксюши, которая очень довольна своей жизнью и работой.

В красном интимном полумраке я на мгновение теряюсь, но в реальность меня возвращает тихое постукивание льда в стакане. В кожаном кресле с бокалом виски восседает молодой мужчина. Рубашка его расстегнута на несколько пуговиц, поза расслабленная, а лицо безэмоциональное и отсутствующее. Красивый. Волевой подбородок, четко очерченная линия челюсти, высокие скулы и прямой нос с острым кончиком.

Я обескуражена тем, что мужчины, подобные ему, то-

же ищут сомнительных утех. Ему бы и бесплатно станцевали, чтобы порадовать, но, видимо, нашим гостям нравится именно покупать женщин, ведь это щекочет эго и дарит ощущение власти. Дефилирую к пилону под тягучую и чувственную музыку, что льется из динамиков по углам небольшой комнатки.

Ксюша пообещала обучить меня танцам на шесте и всяким акробатическим кульбитам на нем, но предостерегла, что когда заказывают приват, то ждут не мастерского номера с вертушками, а страсти и эмоций. Мужчину жаждут увидеть развратную женщину, к которой не смеют прикоснуться и пальцем. Своеобразная, конечно, игра с нотками мазохизма.

Соблазнительно обойти пилон, повиливая бедрами, кошечкой потереться о прохладный шест, томно поглядывая на бесстрастного гостя, который цедит виски и молчит. Лишь его глаза выдают, что он заинтересован зрелищем, и от его пристального и немигающего взгляда мне неуютно, словно на меня пришел посмотреть строгий и придирчивый судья, которого я обязана впечатлить.

Я ведь не зря выигрывала соревнования в соло. И дело было не только в идеальных и выверенных движениях, но и в том, что я вливалась в музыку, становилась ее частью и ее материальным воплощением. Как бы вычурно ни звучало, но из старшеклассницы я обращалась в стихию, которая завораживала зрителей и судей.

Вот и сейчас я растворяюсь в звуках, подчинившись их

неторопливому и тягучему течению. Цепкие глаза следят за каждым движением, скользят взглядом по моим изгибам, а губы касаются стеклянного края, чтобы сделать небольшой глоток. Стыд и смущение вытесняет музыка, заполняя сердце и вены легким возбуждением.

Сценический образ всегда далек от реальной личности, и сейчас я обратилась в бессовестную развратницу, что заводит руку за спину и тянет веревочку откровенного лифа. Через секунду я отбрасываю тканевые треугольники и с оголенной грудью шагаю к молчаливому гостю. Его глаза вспыхивают возбуждением, но лицо — маска высокомерного равнодушия.

Я хочу увидеть его восхищение, словно он и правда судья на турнире похоти и разврата, а я обязана получить высокие оценки, чтобы превзойти несуществующих соперниц. Поглаживаю плечи, грудь и живот, медленно спускаясь к бедрам, не разрывая зрительного контакта. Он делает еще один глоток, и я разворачиваюсь к нему спиной, чтобы провокационно нагнуться и скользнуть ладонями по ногам.

Тянется рукой, чтобы коснуться меня, и я грациозно выпрямившись, отступаю. Его глаза горят, а сам он замер, подавшись в мою сторону. Верхняя губа едва заметно вздрагивает: он напряжен и взвинчен. Отставляет стакан, выуживает из внутреннего кармана сложенную пополам пачку долларов и вытягивает из нее стодолларовую купюру, вглядываясь в глаза:

— Ближе.

Голос низкий, глубокий и не терпящий возражений, и тут гаснет свет и резко затихает музыка, словно сама вселенная потеряла сознание от его приказа. Скрип кожи, которым обито кресло, и я молчаливой тенью кидаюсь в сторону, учувя опасность.

— Где же ты? — ласковый и хриплый голос в темноте пробирает до мурашек, и пячусь.

— Без рук, — шепчу я и ладонью шарю по стене в поисках бархатного полога. — Правила...

— Люблю правильных девочек, — тьма вибрирует тихим смехом. — И вот вопрос, что ты тут такая правильная потеряла?

Стена обрывается проемом, и я бесшумно выскальзываю в коридор в тот самый момент, когда вспыхивает свет. Меня оглушает музыка, и я бегу прочь, стыдливо прикрыв голую грудь руками.

Глава 2. Спасена!

— И куда же ты, крошка?

Не оглядываться, а то вдруг он решит, что я в нем заинтересована. Господи, как могла купиться на слова Ксюши? Руки не распускают? Конечно! Вот меня не просто пощупать в темноте решили, а, так сказать, полностью продегустировать. Преследователь мой очень зол и недоволен тем, что я ускользнула из его лап.

— Без рук! — рявкаю я и понимаю, насколько я нелепа в своих претензиях с голой грудью и задницей в веревочках.

— Я справлюсь и без рук, — заверяет меня сердитый голос.

Выбегаю в зал и ищу взглядом охранников. В глазах рябит от вспышек, полуголых девиц и пьяных довольных рож. Из толпы выходит мрачный плечистый мужик в строгом черном костюме, заметив меня, и я, выдохнув, бегу мимо столиков и барной стойки к неприметной двери в закутке у выхода. Оглядываюсь и ойкаю. Охранник под громкие биты получает по челюсти от моего неудовлетворенного гостя, и к нему с заискивающей улыбкой подскакивает Илья.

— Вот черт, — шепчу я, потому что охранник, хоть страшный и большой, как бритый йети, но от удара гостя заваливается назад и оседает на пол.

Я прячусь за дверью и бегу в гримерку, в которой пусто и

оттого неуютно. Спешно натягиваю футболку и в тихой истерике кидаюсь за стойку, заваленной ворохом одежды и сажусь на корточки за покосившимся пуфиком, когда поскрипывает ручка двери. Для надежности накидываю на себя какую-то тряпку, от которой несет потом и цветочным парфюмом.

Шаги, и я вся съеживаюсь от ужаса. Где обещанная безопасность для танцовщиц от агрессивных и возбужденных гостей?

— Где она? — звучит хриплый и недовольный голос, и по телу бежит холодная дрожь.

— Тут ее нет, — отвечает ему Илья. — Сбежала.

— Куда?

— Без понятия.

— Так найди мне ее. Она не закончила со мной, — невидимый враг вышагивает по примерке.

— И мы ее уволим.

— После того как ты приведешь ее ко мне.

И опять потухает свет и воцаряется гробовая тишина.

— Что это у вас тут за светомузыка такая? — шипит тьма и что-то пинает.

— Пробки выбивает, — устало отвечает Илья. — И именно сегодня. Электрика уже вызвали. И нам жаль, что мы доставили вам неудобство.

Грохот, и стойка с одеждой валится на меня, но я не издаю ни звука, потому что лучше быть погребенной под грязными

и потными тряпками, чем оказаться в руках пьяного клиента, которому точно будет мало соблазнительного танца.

— Да что б вас, — глухой рык сотрясает стены, и громко хлопает дверь.

Не тороплюсь выкапываться из-под укрытия, пусть меня и мутит от изобилия неприятных запахов. Что же я так влипла и сразу в первую ночь? Или Вселенная мягко намекает, что мне не место среди смелых и отчаянных танцовщиц?

— Ушел, — тишину нарушает недовольный голос Ильи.
— Можешь выходить.

— А чего ты мне помогаешь? — сипло и недоверчиво интересуюсь я.

— Просто он меня бесит, — высокомерно заявляет Илья.
— Я тут главный, мать вашу.

Выползаю из-под вороха одежды, и Илья подсвечивает меня фонариком на смартфоне. Я зажмуриваюсь и закрываю лицо ладонью.

— А про увольнение я не шутил.

Поднимаюсь на ноги, одернув футболку, и откидываю спутанные волосы за спину.

— Да я сама сюда больше ни ногой, если выйду вообще живой, — подцепив накладные ресницы на правом веке, аккуратно отрываю их.

— Жесть какая, — Илья передергивает плечами, когда я отклеиваю ресницы с левого глаза, и выходит, с брезгливостью скривив тонкие губы.

Я опять оказываюсь в крошечной тьме и в растерянности стою, в пальцах растирая накладные ресницы. Что же, не быть мне бесстыдной развратницей, которая зарабатывает на жизнь голыми сиськами и задницей. В следующий раз мне может не повезти, и танцульки окончатся в настырных руках какого-нибудь наглого клиента, которому и на охрану наплевать. С одного удара уложил верзилу и не поморщился.

— Сюда, девочки, — Ксюша со свечей wpłyает в гримерку, а за ней хвостиками следуют недовольные полуголые стриптизерши.

И никто из них не стесняется голых грудей. Они лишь опечалены, что в этот раз пробки выбило надолго и трудовая ночь окончена со скудными чаевыми и разъяренными клиентами.

— Полный бардак!

— И не говори!

— И как работать в таких условиях?

— Я чуть с пилонa не упала с их фокусами!

Спешно одеваюсь под возмущения, не смея влезать со своими жалобами об озабоченном неадекватe. Вдруг я где-то ошиблась и сама спровоцировала пьяного мерзавца на глупости?

— Это твой Пашку в нокаут отправил? — Ксюша разворачивается ко мне, поправляя грудь в бюстгальтере. — Перестаралась, да?

— Я... — накидываю на голову капюшон толстовки и бес-

помощно вздыхаю, — может быть... не знаю... А как понять, что перестаралась?

— Если на охранников кидается, то точно перевозбудила, — Ксюша смеется и огонек свечи на столе подрагивает от ее смеха. — Я бы тоже такого самца подразнила. Прелесть же.

В молчаливом осуждении утыкаюсь в смартфон и вызываю такси через приложение. Метку посадки ставлю у запасного выхода, а не у парадного: боюсь, что мой фанат поджидает меня на улице, и я не хочу рисковать лишний раз.

Подсвечивая экраном смартфона лишь ноги, выхожу из гримерки, семеню через коридор в главный зал. В темноте и тусклых вспышках телефонных фонариков возмущаются оставшиеся пьяные гости, а Илья пытается их успокоить и вежливо выпроводить.

Пробегаю мимо барной стойки, юркаю в проход с уборными и забиваюсь в угол к раскидистой пальмочке, выключив телефон. От знакомого и сердитого голоса позвоночник пробивает ледяная стрела страха.

— Новенькая, значит, — мимо проходит темная тень, подсвечивая путь смартфоном, — а имя?

— Ты будто в первый раз, — смеется мужской голос, — не знаю я имени. Одна из девочек уговорила взять ее подружку. Я лично не знаком, у нее сегодня первая ночь.

Останавливается, и я прижимаю руку ко рту. Если он меня заметит, то мне точно крышка. Я даже представила, как он тащит меня в туалет и... Господи, мне стоило через па-

радную дверь сбегать.

— А подружку как зовут?

— Пропись, — фыркает невидимый собеседник и сбрасывает звонок.

Фанат мой не уходит и ковыряется в телефоне. Тусклый свет экрана освещает хищный профиль, и я на грани обморока от страха. Он не просто зол, он в бешенстве. Через несколько громких гудков, что отзываются в груди глухим и учащенным сердцебиением, раздается сонный и ласковый женский голос:

— А я уже отчаялась услышать твой голос.

— Через минут двадцать буду.

— Ммм, буду ждать, — мурлыкает женщина в полумраке.

Он уходит и как только он скрывается за поворотом, над головой вспыхивают тусклые лампочки и раздаются восторженные мужские голоса и улюлюканье. Я трусливой тенью кидаюсь в мрачный и узкий коридор и вынырываю в подворотне к мусорным бакам. Пробегаю метров десять и прячусь желтой машине с черными шашечками на боковых дверцах.

— Спасена, — выдыхаю я. — И цела!

Глава 3. Ночной бунтарь

Ни черта я не спасена, потому что стоит такси подъехать к повороту и немного завернуть, как с визгом выныривает черная низкая тачка и по касательной трется хищным боком о фару, которая, естественно, с треском ломается. Повезло, что наша машина притормозила.

— Да твою мать! — ревет таксист, и авто едва заметно дергается в сторону.

Черная машина тормозит у обочины, оставляя позади на асфальте темные полосы, и из нее выскакивает мой разъяренный фанат, который хлопает дверью и осматривает глубокие царапины и небольшую вмятину.

— Езжайте, прошу, — шепчу я и натягиваю толстовку на нос.

— Как же я этих ублюдков ненавижу, — шипит таксист и неуклюже покидает салон. — Эй!

Фанат мой резко разворачивается к таксисту, который возмущенно машет на разбитую фару, выуживает из кармана пачку денег и неторопливо отсчитывает купюры. Лицо таксиста вытягивается.

— Проклятье, — рычу я и достаю смартфон, который предательски тухнет в пальцах с оповещением, что аккумулятор разряжен.

Мой фанат швыряет в таксиста деньги и делает несколь-

ко шагов к своей машине. Пошатнувшись на заплетающихся ногах, зло приглаживает волосы и возвращается к таксисту, который дрожащими от жадности пальцами пересчитывает собранные с асфальта доллары. Вручает ему оставшиеся деньги, хлопает по плечу и идет, потирая лицо, к такси.

Пока я соображаю, что делать, фанат мой вваливается на переднее сидение и выдыхает, широко расставив ноги:

— Что за ночь...

— Вы же не против попутчика? — за руль садится румяный и довольный таксист.

Вопрос, конечно, риторический, на который не ждут ответа.

— Ты не один, что ли? — хрипло и сердито спрашивает мой фанат и оглядывается.

Лицо скрыто под глубоким капюшоном, голова опущена, да и вряд ли без мейкапа и накладных ресниц он меня узнает, но сердце покрывается ледяной коркой ужаса. Я даже пошевелиться не могу.

— Раз молчит, то не против, — хмыкает и откидывается назад со злым приказом, — поехали.

Я тянусь к ручке дверцы, но машина срывается с места.

— Откуда пацана везешь? — спрашивает заплетающимся языком и почесывает кадык.

В принципе, меня действительно можно спутать с подростком, потому что я напялила на себя широкие треники и мешковатую толстовку из плотной черной ткани. Лишь ро-

зовые ногти выдают, что я женского пола, поэтому я натягиваю рукава и прячу пальцы под манжетами.

— Пацана? — удивляется таксист, глядя в зеркало заднего вида, и я твердо киваю. — Да из подворотни выскочил. Убегал от кого-то.

— От кого? — фанат опять оглядывается.

Ненавижу свою жизнь.

— От мента, — хрипло и низко отвечаю я, имитируя мужской голос.

— Чего натворил?

Голым, мать твою, потанцевал перед ним на высоченных шпильках и жопой покрутил! Сжимаю кулаки.

— Облава была. В паре кварталов отсюда.

— Теперь куда?

Вот пристал, а. Вот какая ему разница, куда направляется подросток, который якобы сбежал от облавы? Если скажу, что домой, то образ дерзкого бунтаря пойдет по одному месту. Бунтари дома не ночуют, только у братанов. Задумываюсь над тем, говорят ли сейчас так подростки.

— Понял, не мое дело, — невесело усмехается и мрачно обращается к таксисту, — парнишку сначала подкинь, потом меня.

Воцаряется тишина, и я на перекрестках порываюсь выскочить, но оказаться ночью одной и без телефона даже подростку опасно. Если я выйду сухой из воды, то больше никогда и ни за что не подумаю танцевать приватные танцы для

пьяных извращенцев.

Когда такси сворачивает с Севастопольского Проспекта во двор одной из хрущевок, я хлопаю по водительскому сидению, сердито ухнув:

— Тут.

Машина останавливается, и стараюсь без лишней паники вылезти в ночь. Поправляю капюшон и шагаю, имитируя мужицкую размашистую походку. Мне осталось метров тридцать до подъезда и три этажа до спасения.

— У тебя точно все нормально? — летит в спину невнятные и пьяные слова.

— Угу, — я ускоряюсь.

— Стой, — зло рывкает.

Замираю и тру нос. Пьяные мужики отвратительны.

— Слушай, у меня в твоём возрасте тоже были проблемы. Тоже по ночам неизвестно где шлёлся...

Ехидно и про себя отмечаю, что ничего и не изменилось с того времени.

— Если тебе нужна помощь...

— Меня мамка ждёт, — поскрипываю зубами и делаю шаг. — Не нужна мне помощь.

— Так обычно говорят те, кому она очень нужна.

— Отвали, дядь, и на себя в зеркало посмотри. Нажрался и чуть не врезался в нас, — злобно урчу я в ответ. — Это у тебя проблемы, а у меня лишь сложные жизненные обстоятельства.

— Вот сучонок.

— Сам такой, — пинаю камешек и продолжаю путь, сдерживая себя от трусливого побега. — Гандон.

Подростки обычно ругаются, поэтому я разрешаю выразить злость и негодование грубым словом, которое я в обычной жизни стараюсь не использовать.

— Мало тебя пороли!

И он прав. Мама меня не порола, чему я очень рада. Я против того, чтобы применяли к детям, даже очень капризным, физическое насилие в целях воспитания.

— А ну, стоять! Я сам тебя к мамке отведу и серьезно побеседую о твоём поведении.

— Нахер пошел! — рывкаю я и срываюсь с места, когда слышу тяжелые шаги.

— Мелкий говнюк, — рычит вслед и судя по звукам, падает.

Я оглядываюсь. И правда, упал, и пытается безуспешно с матюками подняться, но он, похоже, ногу подвернул, потому что кривится, будто ему больно. Таксист подсакивает к нему и с уговорами оставить мальчика в покое тащит к машине. Точно. Прихрамывает. Хохотнув, скрываюсь в ночных тенях под топодем.

Глава 4. Ты боец, Кира!

Узкая юбка ниже колена с высокой посадкой, белая рубашка с длинными рукавами и глухим воротом, аккуратные острые шпильки и собранные в тугой пучок волосы. И легкий макияж. Выгляжу прилично, скромно и очень серьезно. Думаю над тем, чтобы на нос нацепить очки-нулевки, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что я ответственная и очень старательная девушка.

Я прошла онлайн-курс секретаря-референта. После ночных приключений и побега от пьяного фаната мама устроила со мной грандиозные разборки сразу, как только я испуганная прошмыгнула в квартиру. Она заявила, что мои гулянки не лезут ни в какие ворота и я совсем обнаглела приходить домой пьяной. Я минуту на нее дышала, пока она не успокоилась хотя бы в вопросе моей трезвости, однако я все равно осталась безалаберной эгоисткой, которой пора взрослеть. После она налила чай и сказала, что оплатила курсы, которые ей впарил пронырливая коллега.

— Хорошие курсы и сертификат дают.

И на этот сертификат без слез не взглянешь. Даже в первом классе за ежика из пластилина и скорлупки я получила более приличную грамоту. Да и не научили меня особо ничему. Это был просто сборник аудио, видео, текста и статей, которых полно в открытом доступе.

Сертификат мне прислали по почте, но надежды у меня на него было мало: черно-белая бумажка с подписью и печатью. При желании я сама могу таких сертификатов наплотить целую кучу, но мама очень воодушевилась. Видимо, я начала, по ее мнению, взрослеть, но на письма и запросы по вакансиям секретарей я получала и получала отказы.

И это неудивительно. Без высшего образования могут и на должность кассира в сетевой магазин не взять. И ведь не напишешь в сопроводительном письме, что я десятый и одиннадцатый класс ездила по чемпионатам и поэтому подготовку к экзаменам пропустила. И самое обидное: мне нескольких баллов на грант не хватило, а оплатить обучение мама была не в состоянии, а отец самоустранился сразу после моего зачатия. Короче, я безотцовщина.

Но не суть. Вернемся к нашим баранам. Мама, видя мои безуспешные попытки найти работу с сертификатом, решила взять все в свои нежные руки и кинула клич через родственников, знакомых, подружек, соседей и просто случайных людей, с которыми она пообщалась в метро или на улице. Вот такая она. Пробивная, активная и без смущения может похвастаться в очереди, какая у нее замечательная дочка выросла и как ей не везет в поиске работы.

И случилось чудо. Выбирая в супермаркете картошку на ужин, мама завязала разговор с женщиной, которой не повезло оказаться рядом с пакетом морковки в руках. Для начала она посоветовала, что расфасованные овощи лучше не

братъ, потому что половина из них гнилая, а потом разговор плавно перешел к моей скромной персоне. Я в это время стояла за маминой спиной с двумя луковицами в ладонях и глупо и смущенно улыбалась, слушая, как меня расхваливают.

— Ой, а у меня внучку хотят отдать на танцы, — расплылась тогда в улыбке женщина.

Подумывала сказать, что лучше этого не делать, потому что лично я очень разочаровалась в танцах, но было невозможно вставить слово в беседу. В общем, оказалось следующее: она работает бухгалтером в одной крупной логистической компании и, вроде как и не совсем точно, но она слышала, что шеф, которого она видела только пару раз и то издалека, ищет то ли секретаря, то ли личного помощника, то ли уборщицу, то ли отдельного человека, который будет поливать цветы в его кабинете по строгому расписанию.

Мама так обрадовалась и номерами телефонов с Лидией Константиновной обменялась. Через неделю, когда я уже забыла об этой встрече, а матушка моя закинула удочки и в другие лунки, раздался звонок и нас обрадовали, что меня ждет собеседование, потому что поливальщицу цветов так и не нашли.

Вернее не так. Через капризного шефа прошла вереница дамочек, но они чем-то его не устраивали. Кадровичка взвыла, с горя наакалась коньяка в бухгалтерии, расплакалась, и Лидия Константиновна вспомнила о странной тетке в супермаркете и о ее скромной дочери с двумя луковицами в руках.

Я так поняла, что кадровому отделу и так нечего было терять, поэтому и девку с улицы без образования пригласили, чтобы создать видимость того, что они работают и очень заняты поиском секретаря-помощницы-уборщицы-черт-еще-знает-кого. Я так не вкурила, кто им нужен, но сертификат о курсах положила в красивую папочку вместе со скромным резюме, половина которого расписывает, какой я была в школе талантливой танцовщицей. Я не хотела об этом упоминать, но мама заверила, что надо и пару медалек в сумку закинула.

— Удачи, — мама чмокает в нос, обхватив лицо теплыми сухими ладонями. — Ты у меня боец, Кира. Помни об этом.

Она так говорила, когда отправляла на соревнования и ждала, что я вернусь с медалью или кубком. И в этот раз я обязана ее обрадовать тем, что меня взяли на работу, а если этого не случится, то моя очередная неудача будет большим разочарованием, которое затмит проваленные экзамены.

— Ты боец, — повторяет мама и медленно закрывает перед моим лицом дверь.

— Я боец, — киваю и решительно стучу каблуками по лестничной площадке, а к горлу подступает ком тревоги и страха.

Глава 5. Родинка

От станции метро Панфиловская пятнадцать минут по дворам и тенистым улочкам, и я стою в нерешительности у крыльца бизнес-центра, который напоминает огромную стеклянную коробку. Я согласилась с мамой, что я боец, поэтому звоню Лидии Константиновне, которая просила ее оповестить, когда я буду на месте.

Она выбегает ко мне через пять минут, без приветствий хватает за руку и тащит за собой:

— Ты уж постарайся ему понравиться, а то Галке пообещала, что тебя точно одобрит. Все нервы ей вытрепал.

В просторном холле с живыми подстриженными кустами в огромных квадратных и каменных кадках я теряюсь.

— Тебе туда, — она толкает меня в спину по направлению к открытому кафе справа от стойки с любопытными девушками-администраторами.

— Что?

Я-то думала, что меня ждет собеседование в офисе и в кабинете, а не за столиком с чашкой кофе.

— Вон он, — шепчет Лидия Константиновна и взглядом указывает на мужчину, который сидит у окна к нам спиной. — Он тут кофе пьет, а то тот, который заваривает Галка, ему не нравится. Иди!

— А он в курсе, что...

— Иди!

Видимо, мой потенциальный босс не в курсе, что у него назначено собеседование с возможной подчиненной, но я ведь боец. Сцепив зубы, цокаю мимо стойки, а затем мимо пустых столиков и с решительностью настоящего воина, который не боится трудностей, сажусь перед тем, кто просто обязан взять меня на работу, иначе я не вернусь сегодня домой.

Время останавливается, и реальность идет трещинами, как тонкое стекло. У судьбы странное чувство юмора. Она жестока в своих шутках, от которых можно схватить сердечный приступ. Передо мной сидит с чашкой кофе в руках мой ночной кошмар, от которого я еле ноги унесла. Он отвлекается от смартфона, поднимает зеленые глаза и вскидывает бровь.

Что делать, когда я не чувствую ни ног, ни рук от ужаса? Я думаю, что даже самый смелый и решительный боец во вселенной на моем месте потерял бы сознание и сполз со стула. Отставляет чашку, откладывает телефон и, сцепив руки в замок на столешнице, говорит:

— Так.

Я приросла к стулу намертво и мизинцем не могу пошевелить от его удивленного и хриплого “так”. При свете дня он еще более пугающ, чем в полумраке и неоновых вспышках ночного клуба. У него резкие черты лица, цепкие и внимательные глаза и аккуратно уложенные волосы по косому

пробору добавляет в его образ строгости.

— Я на собеседование, — если я не могу вскочить на ноги и опять сбежать, то прикинусь душой.

Не было меня в стриптиз-клубе и не трясла я перед ним сиськами, а потом и задницей не хвасталась. Не я это была, а кто-то другой.

— На какую должность? — он бровь так свою и не опускает.

— А у вас несколько вакансий? — отвечаю вопросом на вопрос, и ложбинка под бюстгальтером покрывается холодной испариной.

— Допустим, нам никогда не помешают опытные логисты или аналитики, — он улыбается, и я непроизвольно сглатываю.

— Меня позвали, и я пришла, — сиплю оправдываюсь, — я так понимаю, вам нужна секретарша...

— Может быть, — щурится и возвращается к чашке кофе. Делает неторопливый глоток, глядя мне в лицо, и вопросительно хмыкает, — а кто позвал?

Мне кажется, это вопрос с подвохом, потому что взгляд у него недобрый, будто он намеревается уволить того, кто посмел меня позвать.

— А это так важно?

— Нет, — вновь отставляет чашку. — Раз ты здесь, то представься для начала.

Я все еще не в состоянии подняться на ноги и убежать.

— Кира, — тихо отвечаю я и вся внутренне сжимаюсь.

Стоило солгать и представиться другим именем, но мозги не соображают и расплавились в желе.

— Виктор, — буравит взглядом и ладонь протягивает для рукопожатия.

Будь на его место кто-то другой, то я бы восприняла его жест приветствия иначе. Без дрожи в коленях и без озноба. С требовательным ожиданием смотрит в глаза, и я вкладываю в его сухую ладонь пальцы.

— Кира, значит, — на его лице вспыхивает ухмылка, и я довольно резко отдергиваю руку и прячу ее под столом.

Самое время случится сердечному приступу, который станет для меня спасением из неловкой ситуации.

— Я могу ознакомиться с твоим резюме?

Виктор задает закономерные вопросы, но я слышу в них липкие намеки. Возможно, дело в его хриплом тембре и слишком прямом взгляде, что, кажется, проникает в мои мысли.

— Нет.

Резюме с потрохами меня выдаст. Не надо было слушать маму и не стоило в подробностях расписывать, что я занималась танцами и выигрывала золотые медали.

— Почему?

— А я его забыла, но я вам и так скажу, что ничего не умею и ничего знаю, — честно отвечаю я, потому что хочу получить отказ в вакансии секретаря. — И высшего образо-

вания у меня нет.

— Но кое-что ты все умеешь, — тихо отзывается Виктор и двусмысленно улыбается, небрежно поглаживая линию челюсти.

— Простите? — голос мой становится тверже, чему я сама удивляюсь.

— Это была ты, — Виктор с легкой усмешкой окидывает меня взглядом.

— Не понимаю о чем вы, — холодно и отстраненно отзываюсь я, а сама поджимаю пальцы в тесных туфлях.

Поддается в мою сторону, щурится и с бархатной хрипотцой шепчет:

— У тебя под правой ягодицей — родинка.

Чему учили нас на танцах? Улыбаться, когда хочется сдохнуть от усталости, и держать лицо, когда судьи выставляли плохие оценки и переполняет желание разрыдаться. Я в лживом удивлении и досаде изгибаю бровь.

— Простите еще раз, Виктор, но о чем речь?

— Должно быть, обознался, — откидывается на спинку стула, вновь оценивающе смеривая меня взглядом. — Хорошо, ничего не умеешь, ничего не знаешь и образования нет. Почему я должен рассмотреть твою кандидатуру?

Я ведь пока сюда ехала, подготовила речь, какая я старательная, как я легко обучаюсь новому и какой высокий у меня порог стрессоустойчивости, но говорить я об этом не буду.

— А вы и не должны, — я встаю, перекинув через плечо сумочку, в которой тихо звякают медальки, — простите, что отняла у вас время.

— Уже уходишь? — поднимает насмешливый взгляд. — Только заинтриговала, и опять...

Стучу каблуками по кафелю, крепко сжимая ручку сумочки. Чувствую его заинтересованный взгляд и надеюсь, что на меня, когда я выйду, сверху упадет кирпич или кондиционер.

Глава 6. Везёт, как утопленнику

И правда, у меня родинка под правой ягодицей. Почти у промежности, и ее можно заметить, лишь если я нагнусь. Похвасталась своей гибкостью, а этот пьяный извращенец успел все разглядеть и увидеть. Мне вот пришлось знатно так извернуться с зеркальцем, чтобы родинку свою найти.

— Вот гадство, — разгибаюсь и кидаю зеркальце на трюмо. Одергиваю футболку и плююсь в окно, прижав к щеке ладонь. — Глазастый.

— Тебя взяли! — мама влетает в комнату без стука.

Оглядываюсь, и она поднимает сжатые кулачки, чтобы выразить радость:

— Взяли! — и широко улыбается.

— Куда? — сипло и сдавленно спрашиваю я, а затем трусливо ныряю под одеяло и рявкаю, — нет!

— У тебя телефон опять на беззвучном, да? — строго уточняет мама.

— Меня не взяли, нет... нет... Нет! — сажусь, укутавшись в одеяло, и в ужасе смотрю на восторженную родительницу. — Нет!

— Твой начальник не дозвонился до тебя, — мама скрещивает руки на груди, — и Лидия Константиновна дала ему мой номер.

— Нет... — в отчаянии выдыхаю я.

— Очень приятный мужчина. Вежливый, — мама улыбается. — Сказал, что ничего страшного в том, что у тебя нет ни образования, ни опыта. Он тебя всему научит. Так и сказал.

— Мама...

Неужели она не услышала в том, что меня всему научат, ничего подозрительного? Виктор совсем охамел, раз посмел позвонить моей маме и сказать ей подобные гнусности.

— Я не могу... Я не пойду... Не хочу... — мне холодно и страшно. — Мама...

— Хватит, — она вскидывает руку. — Пора взрослеть и сепарироваться от меня. Ты не маленькая девочка и пора шагнуть во взрослую жизнь. Я бы тоже с превеликим удовольствием не работала...

— Да не в этом дело, — шепчу я. — Хочешь, я завтра устроюсь в закусочную посудомойщицей? Вот, мама!

Я соскакиваю с кровати, кидаюсь к столу и хватаю бумажку, которую сорвала со столба в одном квартале от нашего дома.

“Требуется посудомойщицы, уборщицы и официантки”

— Вот, мама! Сюда пойду! — подношу к ее глазам бумажку.

— Еще чего, — выхватывает и рвет объявление. — Не пойдешь.

Я не могу ей рассказать, что была в стриптиз-клубе и танцевала приватный танец с голой грудью для “очень приятного мужчины”, который хотел неизвестно к чему меня склонить в темноте.

— Мама, Виктор мне не понравился! — сжимаю кулаки и в бессилии топаю ногой. — Ты бы видела его!

— А я видела.

— В смысле?!

— Он мне по видеосвязи позвонил, — пожимает плечами. — Повторю, очень приятный мужчина. Вежливый и строгий. Такой начальник, — тычет пальцем мне в грудь, — тебе и нужен. Вспомни, ты в танцах начала добиваться успеха, когда у тебя сменилась преподавательница. Тогда ты тоже говорила, что Светлана Анатольевна тебе не нравится.

— Да стервой она была еще той... — я придвигаю к себе стул и падаю на него, — но Виктор мне не нравится по иным причинам.

— По каким же?

— Чванливый, высокомерный и наглый, — тихо перечисляю я, многозначительно вглядываясь в глаза мамы, — агрессивный, упрямый...

Мама достает из кармана халата телефон, подходит к стеллажу с кубками и медалями и невозмутимо их фотографирует.

— Что ты делаешь? — я разворачиваюсь в ее сторону.

— Я недовольна тем, что ты не рассказала на собеседова-

нии о своих успехах, — касается пальцем экрана. — Я не могу понять, чего ты стыдишься?

— Мама... — у меня ладони холодеют и нижнее левое веко дергается.

Горло пересыхает, язык к небу липнет, и я могу лишь с присвистом выдохнуть. Мама ведь не могла... Нет, она бы постеснялась... Господи, да что же она творит?!

— Нет, Кира не упоминала о том, что в прошлом занималась танцами, — из динамиков телефона доносится низкий с легкой хрипотцой голос Виктора. — Скромная, и ее скромность мне импонирует.

— Я отказываюсь от вакансии! — взвизгиваю я. — Ищите другую секретаршу!

— Это голосовое, доча, — мама ласково улыбается мне и прячет телефон в карман. — Ты впечатлила Виктора, и в его компании тебя ждут перспективы, если покажешь себя с лучшей стороны. Так было сказано.

Мама не может быть такой наивной, учитывая, что ее беременную бросил мой отец. Уж она должна понимать, что от мужчин не стоит ждать ничего хорошего, особенно от тех, кто имеет наглость звонить напрямую матерям потенциальных подчиненных. Я должна сказать о том, что он мне про родинку на попе говорил и что пьяным приставал в стриптиз-клубе, но тогда мама точно во мне разочаруется.

— Виктор завтра за тобой заедет, — затягивает пояс на халате и шагает к двери.

— Ма, ты не видишь ничего странного и подозрительного в том, как он себя ведет? Зачем за мной заезжать? Я сама не могу до офиса добраться? — жалобно смотрю на нее.

— Возможно, у него для тебя срочные поручения, — мама оборачивается через плечо. — или вам на встречу надо. Кирюш, я понимаю, тебе страшно, это твоя первая серьезная работа на полную ставку в хорошей компании, но ты справишься. Ты большая умница, и если сейчас откажешься от этой должности, то потом будешь жалеть.

По маминому взгляду понятно, что она не раз припомнит мне, если я откажусь работать под началом Виктора. Со стороны я, наверное, выгляжу упрямой и ленивой дочерью, которая вознамерилась сесть на шею матери, но это ведь не так. Хотя... Я год после школы перебивалась листовками, страдала, рыдая днями и ночами в подушку, сидела несколько месяцев на подработке в интернет-биржах и писала короткие и глупые тексты для сайтов, потом пыталась подготовиться к пересдаче экзаменов и поняла, что не тяну.

— Это хороший шанс, Кирюш, — мама подбадривающе взъерошивает мои волосы на макушке. — Виктор обмолвился, что они сотрудников на учебу или на курсы переквалификации могут направить. Это не шарашкина конторка, Кир, а серьезная компания, и тебе повезло.

Глава 7. Слишком близко

Мама у меня хвастливая дама. Позвонила всем родственникам и подружкам и рассказала, какая я умница. На приличную работу устроилась в крупную компанию и на хорошую зарплату! Сто пятьдесят тысяч рублей в месяц, плюс премиальные и не секретуткой какой-нибудь буду, а личной помощницей у серьезного человека. Я когда услышала сумму оклада, у меня челюсть поползла вниз, но я рот закрыла, потому что стребуют меня за такую сумму тоже прилично. И про график работы, кстати, мама умолчала. Подозрительно.

— Будь старательной девочкой, — мама приглаживает ворот на моей рубашке, всхлипывает и отворачивается. — Все, иди. Я так горжусь тобой.

Я молча выхожу на лестничную площадку и медленно спускаюсь по ступеням. Я словно иду на казнь, только вот лучше бы мне голову на площади отрубили. Я подумывала ночью сбежать из дома, но это глупо и наивно. Да и куда я сбегу без денег? И с моим везением я опять встряну в новую передрагу. Я совершенно не приспособлена к жизни.

На улице пасмурно, асфальт влажный и в воздухе веет приятной свежестью.

— Кажется, я тут бывал.

Я вздрагиваю от недовольного голоса Виктора, который привалился плечом к столбу, что подпирает козырек. Свет-

ло-серый костюм в тонкую полоску на нем сидит идеально. Наверное, пошит на заказ.

— Точно, — левая рука спрятана в карман, а глаза цепко осматривают деревья и детскую площадку. — Я тут ногу подвернул, когда за паршивцем мелким бежал.

Переводит на меня взгляд:

— Невоспитанный пакостник.

— Я отказываюсь на вас работать, — я смотрю на песочницу, крепко стискивая ручку сумки. — И недовольна тем, что вы, Виктор, звонили моей матери.

— Мы с ней мило побеседовали. И она очень гордится тобой, — ухмыляется и окидывает заинтересованным взглядом. — Мамина гордость.

Я опять слышу в его голосе издевку, мол, а мама знает, что ты по стриптиз-клубам шляешься и перед пьяными мужиками сиськами трясешь? Обращаю на него спокойный взгляд:

— Я не подхожу на вакансию личной помощницы.

— А я решил, что подходишь, — пожимает плечами. — И тебе нужна работа.

— Меня не устраивают условия.

— Например? — с ожиданием приподнимает бровь.

Подловил. Я же с ним ничего не обсудила, чтобы сейчас претензии кидать. Я могу лишь возмутиться его наглому и прямому взгляду, но попыток схватить меня и зажать в углу он не предпринимает. Лишь смотрит, но как... Я будто на секунду вернулась в кабинку для частных танцев и мне

даже кажется, что я перед ним стою в одних трусиках.

— По осанке видно, что танцами занималась, — улыбается и щурится, — кстати... — он недобро ухмыляется, — в красном платье ты обворожительна.

До меня не сразу доходит смысл сказанного, а когда я понимаю, что мама ему отправила видео с моего последнего турнира по соло-латине, я в ужасе распахиваю глаза. Да, тогда я выступила в красном платье, аренда которого стоило хороших денег, а заняла я третье место. Это было начало моих неудач.

— Сколько экспрессии, страсти и отдачи, — Виктор плотоядно скалится и по глазам вижу, что говорит он не о латине. — Отдельной похвалы заслуживает то, как ты удалилась.

— Я в вашей похвале не нуждаюсь, — сердце давно в пятках и отбивает истеричную чечетку.

— Будь я судьей...

— Но вы не судья, а мой босс.

— Верно, — победоносно ухмыляется.

Вот черт. Я только что признала, что я его подчиненная и словесно подтвердила его статус шефа. Как он провернул этот фокус?

— Тогда поехали, — делает шаг, и я, сцепив зубы, следую за ним.

Шагает мимо клумб с кустами декоративного шиповника к черному внедорожнику, припаркованному на въезде во двор. Я поднимаю взгляд на окна третьего этажа. Как я и

думала: любопытная мама настоroje и машет мне ручкой. Тонкий каблук соскальзывает в трещину в асфальте, и я теряю равновесие с удивленным ойканьем.

Виктор резко разворачивается ко мне, словно только и ждал, когда я споткнусь, ловко хватая за запястье и мягким рывком притягивает к себе, нырнув свободной рукой под спину. Глаза в глаза, и из объятий не выпускает. Слишком близко, и я чую его терпкий парфюм с нотками цедры лайма.

— Отпустите меня немедленно, — сипло шепчу я и сглазываю, — мама смотрит.

Виктор поднимает глаза и отступает, с приветствием кивнув моей родительнице, что так и стоит у окна. Она тоже кивает, а я в возмущении перекидываю сумку на плечо. Я бы на ее месте окно открыла и крикнула, чтобы Виктор, наглец, руки свои не распускал.

— Действительно, смотрит, — недовольно подытоживает, тихо цокнув.

Стучу каблуками мимо него и сожалею, что нельзя маму взять с собой на работу, чтобы она за мной присмотрела. От шумного выдоха, что обжёг мне лицо в объятиях новоиспеченного босса, на мгновение я потерялась в пространстве и времени, а спина у поясницы горит от прикосновения теплой и твердой ладони.

Притормаживаю, потому что чувствую взгляд Виктора на моих ягодицах. Он ведь точно смотрит на мою задницу и мамы моей не стесняется. Так, никаких узких юбок, даже если

они ниже колена.

— Вам не кажется, что мы задерживаемся? — я приглаживаю волосы и оглядываюсь. — Виктор?

А Виктор не на меня смотрит, а в экран телефона сосредоточенно пялится.

— Да, — он хмурится и прикладывает смартфон к уху. Через несколько секунд рывкает. — Твою мать, Саша! Не пропустят сегодня фуры на таможке, я тебя лично за ноздри к Марку притащу! Будешь ему скулить, какого хрена к нему сыры его французские не приехали!

Глава 8. Нехорошие намеки

В машине нас ждет хмурый водитель. Его блестящая лысина будто намазана жиром, и я впервые вижу такой гладкий затылок. Когда он оглядывается и с приветствием кивает мне, то я понимаю, что у него алопеция, потому что и бровей у него нет. И это выглядит жутко.

— Здравствуйте, — я слабо и неловко улыбаюсь.

Улыбается и поднимает вверх большой палец.

— Игорь не говорит, — отвечает Виктор, нырнув в салон.
— Но слышит. Это важно.

— Ладно.

Игорь кивает, а я хочу, к моему стыду, узнать подробности, почему он не говорит, но слышит.

— У него месячный обет молчания, — Виктор поправляет галстук. — В секту попал.

Игорь недовольно фыркает, изъявляя свое несогласие.

— Хочешь сказать, что не секта?

— А какая секта? — тихо спрашиваю я.

— О, Господь, ты - солнце, взошедшее, чтобы рассеять тьму Кали-Юги! В действительности, Ты - Сам Господь Кришна, появившийся среди нас! — низко урчит водитель, а машина мягко трогается с места.

Уставившись на умиротворенного Виктора, прижимаю сумку к животу.

— Кришнаиты, — отзывается он и утомленно моргает.
— Говорить нельзя, а прославлять Кришну можно. Я не совсем понял смысл, но кто я такой, чтобы осуждать человека за его веру? По-хорошему, надо водителя нового искать. Да, Игорь?

— Харе Кришна, — бурчит он в ответ.

— Если ты не поняла, то он выразил мне свое несогласие и утверждает, что отлично справляется с обязанностями,
— Виктор массирует переносицу. — Знаешь, Игорь, зря ты увлекся йогой.

Я перевожу удивленный взор на Игоря. Я даже представлять не хочу, как он выглядит, когда скручивается в асаны. Он ведь не тонкий и не изящный юноша, а большой и широкий во всех смыслах мужик. У него шея как у быка и вряд ли он гибкий, как тростиночка. С таким же успехом я могла уйти в сумо.

А потом опять смотрю на Виктора. В принципе, если он нанял на позицию личной помощницы девушку без опыта и образования, то водитель-кришнаит с обетом молчания уже не так удивляет.

— Послушайте, Виктор, — серьезно начинаю я, — я без понятия в чем мои обязанности.

— Мне, например, нужна новая кровать, — Виктор поворачивает ко мне бесстрастное лицо, — крепкая, с ортопедическим матрасом. Вот ты и займешься этим вопросом, но после того как ты сваришь мне кофе и отсо...

У меня брови ползут на лоб от возмущения. Да как он смеет говорить о такой гнусности?!

— Отсортируешь входящие документы, — спокойно продолжает Виктор, а щеки у меня горят от стыда.

Я за миллисекунду надумала такого, что была готова выпрыгнуть из машины на полной скорости. Да, я решила, что Виктор предлагает мне отсосать, а не отсортировать документы.

— Я не умею варить кофе, если он не растворимый, — тихо и тоненько отвечаю я.

— Я проведу тебе инструктаж, — скалится в улыбке, и боюсь, что мои подозрения насчет сортировки документов были не напрасны.

— Я могу в интернете поискать инструкцию.

— Практика под моим руководством будет куда эффективнее, чем после теории в интернете, — его взгляд скользит по моему лицу к губам, и через секунду он вновь всматривается в глаза, — и у меня есть особые предпочтения.

— Мы все еще о кофе говорим? — спрашиваю я и прикусываю язык, потому что сболтнула лишнего, не продумав вопрос.

Иногда я бываю импульсивной и могу сказать какую-нибудь глупость, как сейчас.

— Я о кофе, а ты?

— Я тоже, — смотрю перед собой, сцепив ладони в замок на сумке до хруста пальцев.

Мне стоило сегодня лицо спрятать под толстым слоем плотной тоналки, потому что мои пунцовые щеки сигнализируют Виктору, что я взволнована и смущена нашим деловым разговором о кофе и его особых вкусовых предпочтениях.

— У тебя есть молодой человек?

Внезапный вопрос застаёт врасплох. Я только выровняла дыхание и расслабила руки на сумке.

— А какое это имеет отношение...

— Самое прямое. График у тебя ненормированный. Тебя ждут и бессонные ночи, — голос у Виктора флегматичный, но он не спускает с меня глаз. — Долгие бессонные ночи.

— Простите? — сипло отзываюсь я.

— Мужчины по своей натуре собственники и, вероятно, тебя ждут приступы ревности к работе, — Виктор тянет ко мне руку, и от него отшатываюсь. Подхватив с плеча темную ниточку, улыбается, — и ко мне в том числе. Твоя предшественница поэтому и уволилась. Ее жених закатывал грандиозные скандалы.

— Из-за долгих бессонных ночей, которые она проводила с вами? — я отодвигаюсь от Виктора.

— Она всегда должна была быть на связи и доступна в любое время суток, — небрежно отбрасывает ниточку.

— Формулировка “доступна в любое время суток” мне не нравится, — я едва сдерживаюсь от злой пощечины, но велика вероятность, что я опять надумала лишнего. — Вы изъ-

ясняетесь, Виктор, двусмысленно. Или мне кажется?

— Поясни , пожалуйста, какой смысл ты вложила в мои слова? — Виктор заинтересованно щурится.

— Я слышу в “долгих бессонных ночах” и “доступна в любое время суток”, — я сглатываю и решительно смотрю в насмешливые глаза, — нехороший намек.

— Намек на что? Ты выражаешься слишком размыто.

— Как и вы, — в сильном негодовании охаю я. — Не буду вслух говорить то, что вы подразумеваете и ждете от меня.

— Очень интересно, чего же я жду такого от тебя, что ты стесняешься об этом говорить вслух?

— Я не ваша шлюха, — рычу в его лицо.

Поддается в мою сторону и шепчет, вглядываясь в глаза:

— Об этом я не говорил, Кира, но полет твоих мыслей мне по душе.

Глава 9. Больной вопрос

Я с мужчинами раньше близких дел не имела. В школе их избегала, на соревнованиях не сталкивалась. Однажды в девятом классе мальчик из параллели предложил встречаться, а я испугалась. Ну, во-первых, он меня подловил у туалета, а, во-вторых, лицо у него было такое красное и злое, будто он не о дружбе просил, а хотел меня задушить.

Все думали, что я такая вся раскованная, раз на танцы хожу, а я даже не целовалась, и, кажется, Виктор понял, что я с противоположным полом не имела опыта. Поглядывает подозрительно и едва заметно ухмыляется, а я вжалась в угол и молчу. Влипла я, конечно, “сказочно”.

Отказаться от работы равно навлечь гнев мамы. Не хочу видеть в ее глазах разочарование, и это очень нездоровая ерунда. Я уже не маленькая девочка, которая оглядывается в любых решениях на мнение старших, но чувство такое, что я ее подведу. В общем, стоит после первой зарплаты, если я до нее доживу, сходить к психологу и разобраться с тараканами.

— Тебя мама одна воспитывала? — Виктор в очередной раз меня выдергивает из мыслей внезапным вопросом.

— Я не думаю, что это вас касается.

— Это больная для тебя тема? — опять смотрит свысока.

— Нет.

Я лгу. Конечно, отсутствие отца в моей жизни для меня

больная тема. Я в детстве очень завидовала одноклассникам, когда отцы приводили их в школу и несли в руках портфели и сменку в пакетах. Я вот свой портфель тащила сама, зло вцепившись в мягкие лямки маленькими замершими ручками. Мама пару раз пыталась забрать у меня портфель, но я яростно отбивалась. В моей картине мира только отцы носят портфели дочерей. Не мамы, а именно папы.

— Нет у меня отца, — поскрипываю зубами.

— Оно и видно.

— Да вы что?

— Мужчин боишься.

Мое лицо сминается в гримасу пренебрежения. Тебя, неуважаемый Виктор, я оправдано опасуюсь. Ты за мной погоню в стриптиз-клубе устроил и неизвестно, чем всё могло закончиться, если бы я не убежала.

— Развод?

— Нет, — прикрываю веки и закатываю глаза, — он испарился задолго до моего рождения.

— Харе Кришна, — зло выдыхает Игорь, и Виктор, кинув на него беглый взгляд, согласно кивает.

— Хотела бы с ним встретиться?

— Виктор, — я разворачиваюсь к нему вполоборота и сердито свожу вместе брови, — давайте поговорим лучше о кофе, ваших особых предпочтениях, кровати с ортопедическим матрасом и о том, что вам нужна очень доступная помощница. Вы не имеете морального права нос свой любо-

пытный совать в чужую семью. И нет, встретиться с отцом я не желаю, потому что мне будет нечего ему сказать кроме того, что он му... — я медленно выдыхаю и тихо говорю, — нехороший человек. Короче, как сказал Игорь, Харе Кришна.

Молчит и в глаза смотрит. Я взгляд не отвожу, потому нечего тут задавать неудобные вопросы, которые трещинами в сердце расходятся. Я сама себе запрещаю думать о том, кто мой отец и размышлять, что бы я ему хотела сказать при встрече.

Лишь полтора процента людей на Земле могут похвастаться зелеными глазами, и, надо признаться, есть в них что-то колдовское и притягательное. Я уже не из-за упрямства и злости в них вглядываюсь, чтобы доказать, какая я дерзкая. Нет. Виктор бессовестно загипнотировал меня, и я затерялась в его зрачках.

— Согласен, — он улыбается уголками губ, — я задал слишком личный вопрос.

Машина мягко и с приятным шуршанием асфальта под колесами паркуется, и я торопливо из нее выползаю. Оправляю юбку, приглаживаю волосы и одергиваю себя. Со стороны я, наверное, выгляжу так, будто привожу внешний вид в порядок после обжимашек с Виктором на заднем сидении, а я лишь пытаюсь собрать мысли в кучу. Я могла не капризничать и устроиться официанткой, а теперь меня ждет каторга под началом мужчины, который не отличается порядоч-

ностью.

Поднимаю взгляд на хмурое небо. И денек сегодня не располагает к легкому и хорошему настроению. Я все же надеялась, что когда найду работу, то буду полна энтузиазма и воодушевления, однако кроме растерянности и липкого чувства одиночества я ничего не чувствую. Вот будь у меня отец, я бы не сунулась в стриптиз-клуб и встречи с Виктором не случилось.

— Харе Кришна, — раздается позади умиротворенный голос Игоря.

— Да хорош! — фыркает Виктор. — Сколько можно?!

Я оглядываюсь. Игорь стоит у открытой дверцы, вскинув лицо к низким тучам и сложив ладони на груди, а Виктор с возмущенным выдохом шагает прочь, раздраженно пропустив волосы через пятерню.

— Харе Кришна, — шепчу я Игорю и бегу на носочках за рассерженным Виктором.

— Если ты подашься в кришнаитки, Кира, я тебя премии лишу.

— Меня эта тема не очень привлекает, — честно отвечаю я, — просто Игорю тяжело без разговоров. Я хотела быть вежливой.

— Они, кстати, тоже любят танцевать, — энергично поднимается по ступеням крыльца.

— Кришнаиты?

— Да, они считают, что для Бога невозможно не танцевать

лишь в том случае, если ты парализован, — Виктор распа- хивает дверь передо мной. — И то стоит потрясти головой, чтобы порадовать Кришну.

Я вновь оглядываюсь на Игоря, но он не танцует.

— Они пляски устраивают в храмах, где, по их мнению, живет Кришна.

Я недоверчиво смотрю на Виктора. Где у нас тут есть кришнаитские храмы?

— И храмом для них может стать любой подвал, если кто-то согласится им его сдать, — Виктор в негодовании кривит губы. — Я тебя предупредил, Кира, вздумаешь снюхаться с кришнаитами, мало не покажется. Если кого, тебе и радовать, то только своего босса...

— Исполнительностью, трудолюбием и стрессоустойчи- востью, — четко проговариваю я, чтобы осадить его в новых намеках, и с прямой спиной вхожу в распахнутую дверь.

Глава 10. Урок кофеварения

— С утра я пью двойной эспрессо, — заявляет Виктор, — в понедельник с чайной ложкой виски.

Смотрю на хромированную бандуру на столе, и у меня инструкции Виктора успешно вылетели из головы. Мне ее касаться страшно, не то что какие-то там рычаги проворачивать и за давлением пара следить. Не мешало бы нанять профессионального баристу, а не терзать меня, у который опыт в кофеварении заключается “всыпать ложку растворимого кофе, добавить сахара и перемешать”.

— Я ее сломаю, — угрюмо отвечаю я, — а стоит она, наверное, как самолет.

— Я в тебя верю, — Виктор ставит передо мной белую чашечку. — Начинай.

Отходит в сторонку и с ожиданием скрещивает руки на груди.

— Если я ее сломаю, то мне же потом возмещать порчу имущества, — с отчаянием смотрю на него.

— О возмещении ущерба мы обязательно побеседуем, но после поломки, — опять скалится подозрительной и двусмысленной улыбке. — Мы с тобой договоримся.

Ясно. Лучше кофемашину не ломать, а то ведь потребуют за нее танцы в его кабинете. Все эти разговорчики, что мне надо радовать не Кришну, а его наталкивают на определен-

ные подозрения.

Перевожу взгляд на не менее пугающую кофемолку, что стоит у кофемашины. С ней не так сложно. Зерна засыпать, выбрать на дисплее граммовку, подставить портафильтр, которым хочется стукнуть Виктора по лбу, чтобы он понял, насколько я растеряна. Стоит себе в стороне и изучающе наблюдает за мной, будто я не с кофе вожусь, а медленно перед ним раздеваюсь.

— Не смотрите на меня так, — засыпаю из пакета зёрна резервуар кофемолки.

— Как?

Опять ляпнула и не подумала.

— Как я на тебя смотрю? — уточняет Виктор. — Мне же надо понять, как на тебя не смотреть.

Ладно, сам напросился. Разворачиваюсь к нему лицом, перенимаю его позу и смериваю взглядом, который одновременно оценивает и обещает всякое постыдное.

— И что тебя не устраивает? — Виктор понижает голос до вибрирующей хрипотцы.

— Забыли, — я сердито отмахиваюсь, а у самой мысли разбегаются.

Не мне с ним в гляделки играть. Меня от его прямого взора и зябко, и жарко, а еще воздух словно гуще становится.

— Девятнадцать грамм на одну чашку двойного эспresso, — подсказывает Виктор, когда я замираю с пальцем у панели кофемолки.

Под жужжание я выдыхаю, чтобы не выдать взволнованность. Когда кофемолка замолкает, я разравниваю молотый кофе, чей аромат окутал меня облаком, и темпером формирую таблетку в портаfiltре.

— У тебя неплохо получается.

От тихой похвалы сердце екает, и я сглатываю, чтобы унять дрожь в пальцах.

— Но ты кое-что забыла.

— Что? — испуганно смотрю на Виктора.

— Идеи, Кира?

Задумчиво перевожу взгляд с портаfiltра на кофемолку, а затем на кофемашину. Ну, конечно.

— Забыла прогреть кофемашину и чашку, — печально вздыхаю я.

— Приступай.

Залить воду в резервуар кофемашины, очистить портаfiltр от кофе и поставить чашку на поддон.

— В следующий раз просите у кандидаток сертификат о том, что они прошли курсы баристы, — бурчу я и подношу портаfiltр к плоской и круглой штуковине, которая неизвестно как называется.

Подталкиваю портаfiltр вверх и пытаюсь его проверить, чтобы заблокировать, но ничего не выходит. Я готова психануть, бросить все и уйти. Замираю, потому что Виктор подкрался сзади и мягко обхватывает мою ладонь своей, прижавшись всем телом.

— Вот так, — он направляет руку, чтобы портафильтр вошел в пазухи, и уверенно ведет вправо.

Раздается щелчок, шею обжигает шумный выдох.

— Ничего сложного, верно?

Попой чувствую подозрительно твердый и продолговатый бугор. Приличная и скромная девушка должна с криками оттолкнуть возбужденного мерзавца, а я ни пошевелиться не могу, ни моргнуть.

— Теперь чашку под портафильтр, — шепчет Виктор, сместив чашку левее, — и ждем вот сюда.

Тянется пальцем к кнопке, всем телом вжавшись в меня, и чтобы сдержать его напор, я упираюсь ладонями о край столешницы.

— Ты запомнила? — его хриплый тембр пауками заполняет в уши и ядовитыми пятнами растекается в голове. — Кира?

— Вы... слишком близко... — сдавленно выдыхаю я.

— Мы совместили теорию и практику и..., — усмехается в шею, — В обучении важен близкий контакт.

— Не настолько ведь... И я сама бы справилась...

— Ну, поглядим, — отступает и шагает прочь, — десять минут, Кира, чтобы кофе был готов. Так как это твой первый раз, то даю тебе больше времени, чем требуется на одну чашку эспрессо.

— А если не справлюсь? — смотрю невидящими глазами на то, как горячая вода тонкой струйкой бежит в чашку. —

Что тогда?

— Повторим наше обучение, но уже от начала и до победного конца, — голос у Виктора строгий и повелительный.

Я загнанно оглядываюсь, и он многообещающе улыбается.

— От и до, Кира. Ты меня услышала?

Мы на четвертом этаже. И вот у меня вопрос: я разобьюсь насмерть, если сейчас выпрыгну в открытое окно?

— Кира! — Виктор повышает голос, и я опять вздрагиваю. — Ты еще тут?

Перевожу взгляд с окна на его лицо и медленно киваю.

— Умница, — улыбается и выходит, бесшумно прикрыв дверь.

Я моргаю. Три раза, прижав руки к груди. Ну, в принципе, можно с натяжкой сказать, что мне провели короткий урок баристы, если забыть, что о мою попу потерлись членом, но, возможно, я опять себя накручиваю.

Глава 11. Первый успех

В приемной меня ждет Галина, которая временно выполняла обязанности личной помощницы Викто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.